

УДК 94(470.341) «1918-1920)

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ
ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1918–1920 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

© 2016 г.

А.В. Медведев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

medvedev_46@mail.ru

Поступила в редакцию 01.09.2016

Показано, что продовольственная политика советского государства 1918–1920 гг. была вынуждена Гражданской войной, голодом, разрухой народного хозяйства и обеспечила минимальное снабжение горожан и Красной Армии продовольствием. Государство использовало монополию на хлеб, но фактически не препятствовало самоснабжению населения, пресекая попытки спекуляции продовольствием.

Ключевые слова: государственная хлебная монополия, продовольственная диктатура, продовольственная разверстка, мешочничество.

В советской историографии аксиомой было мнение, что Гражданская война и разруха народного хозяйства породили в России политику «военного коммунизма», в том числе и чрезвычайную продовольственную политику. Термин «военный коммунизм» первым использовал А.А. Богданов в работе «Вопросы социализма», написанной до 1917 г. и опубликованной в 1918 г. Он писал, что Первая мировая война была таких масштабов, что в армии воюющих стран было мобилизовано 10–15% населения. Солдат надо было кормить, как и население в тылу. А война привела к сокращению сельскохозяйственного производства и вынудила правительства вводить государственные монополии на хлеб и другие виды продовольствия и уравнилельно их распределять. Такую политику Богданов назвал «потребительным» «военным коммунизмом» [1, с. 335–351]. В 1922 г. Н.Д. Кондратьев, бывший товарищ министра продовольствия в последнем составе Временного правительства, в книге «Рынок хлебов во время войны и революции» показал, что продовольственный кризис в России во время мировой войны вынудил царское правительство ввести в сентябре 1916 г. продовольственную разверстку и твердые цены на хлеб, а Временное правительство – 25 марта 1917 г. – закон о государственной хлебной монополии и повсеместную карточную систему распределения продовольствия. Советское государство вынуждено было продолжать такую продовольственную политику [2]. Наиболее фундаментально освещение «военного коммунизма» осуществлено в книге Е.Г. Гимпельсона в 1973 г. [3].

В постсоветский период появилась монография С.А. Павлюченкова, в которой противоре-

чливо освещается военный коммунизм. С одной стороны, он «вынужденная необходимость», «модель немецкого военного социализма или госкапитализма», но с другой – результат стремления большевиков в кратчайший срок ввести социализм [4, с. 53, 59, 63]. Павленко проигнорировал тот факт, что В.И. Ленин предложил в апреле 1918 г. использовать многоукладную экономику с сохранением товарно-денежных отношений в течение длительного переходного периода. Эта политика начала реализовываться, но разгоревшаяся Гражданская война вынудила использовать «военный коммунизм».

К написанию данной статьи автора побудила публикация в 2013 г. статьи А.Ю. Давыдова «Проигранная война «красных»: нелегальная экономика 1917–1920 гг.». Давыдов использует либеральную трактовку продовольственной политики, умудряясь игнорировать ситуацию Гражданской войны и разрухи народного хозяйства, доказывает, что продовольственная политика советского государства была нереалистичной, ведущей общество к гибели. Страну-де спасли мешочники, обеспечившие доставку хлеба в город на нелегальный рынок [5]. Напрашивается из его статьи вывод: надо было дать свободу мешочникам, спекулянтам и они накормили бы тогда народ. Автор данной статьи ранее защитил докторскую диссертацию по одной из тем политической истории Гражданской войны, с проблемой продовольственной политики советского государства был знаком, а теперь «прокопал» поглубже материалы нижегородских архивов, прежде всего из фонда губернского продовольственного комитета Центрального архива Нижегородской области.

В Нижегородском историческом краеведении специального труда по рассматриваемой теме нет, хотя отдельные аспекты ее затрагивались в немногочисленных работах по истории Нижегородского края периода 1917–1920 гг. Наибольший вклад внес арзамасский историк О.В. Ефимов, освещавший историю взаимоотношений советской власти и крестьянства в Нижегородской губернии во время Гражданской войны. Он указал на неоднозначное отношение различных групп крестьянства к государственной хлебной монополии, сопротивление части их, вплоть до восстаний, государственным заготовкам хлеба, развитие комбедов и их роль в решении продовольственного вопроса в 1918 г. [6, с. 3–147]. Но масштабы продовольственного кризиса и голода в губернии во время Гражданской войны в краеведческой литературе не показаны, как и весь драматизм изъятия хлеба и других продуктов питания у крестьян продовольственными органами.

В годы мировой войны в российскую армию было призвано 15,5 млн человек, в большинстве крестьян. Мобилизации подлежали и лошади. В Нижегородской губернии нехватка рабочих рук и лошадей привела к тому, что в 1917 г. 149 681 крестьянских дворов оказались без рабочего тягла, пустовало 63 684 десятины земли. Сократился подвоз хлеба из производящих губерний. В результате к 1917 г. цены выросли на хлеб в 10 раз, на картофель в 14, на пшено в 18. Средний же заработок сормовского рабочего к началу 1916 г. по сравнению с довоенным временем вырос всего на 40 копеек в день, на шрапнельном заводе он составлял 95 копеек, на Молитовской прядильной фабрике – 90 копеек в день [7, с. 344]. Семьи рабочих были в полуголодном положении, неслучайно в 1916 г. прошли мощные забастовки рабочих Сормова и Канавина.

Временное правительство продовольственный вопрос не решило, в стране начались голодные бунты. В Нижегородской губернии ситуация обострялась засухой и недородом хлебов. 12 июня в нижегородский кремль пришло несколько сот крестьян из Семеновского уезда, требуя хлеба. 24–27 августа в Горбатове собрались толпы горожан и крестьян из окрестных селений. Они арестовали председателя земской управы и заведующего продовольственным складом. В октябре продовольственные беспорядки прошли в Арзамасе, в Н. Новгороде служащим продовольственной управы пришлось спастись от разъяренной толпы бегством [8, с. 161–162].

Свержение Временного правительства и установление советской власти происходило в условиях острого продовольственного кризиса. Происходил слом старого государственного

аппарата и создание нового. Утверждение советской власти на губернском и уездном уровнях завершилось к марту, а на волостном – к маю 1918 г. Крестьяне захватили землю и запасы продовольствия из помещичьих имений, но поставлять хлеб государству по твердым ценам отказывались, предпочитая продавать его по высоким ценам на черном рынке. Крестьяне были благодарны советской власти за передачу им помещичьих земель, но проявляли эгоизм, не желая участвовать в решении общегосударственных задач. У крестьянина-общинника проявлялась его мелкобуржуазная сторона натуры. Фактически была свобода торговли, которая чрезвычайно обострила продовольственную ситуацию в городах и деревнях в потребляющих губерниях.

В Н. Новгороде старый эсеро-меньшевистский губернский продовольственный комитет сдал свои полномочия новому составу комитета, назначенного Нижегородским Советом рабочих и солдатских депутатов, 10 января 1918 г. В состав советского губпродкома вошло 9 членов, председателем стал И.Г. Куликов. Год спустя Куликов рассказал о проблемах, с которыми столкнулся его комитет.

Он привел такие статистические данные. В Нижегородской губернии проживало 2 252 172 жителей. Из них горожан – 222 437 (чуть меньше 10%), фабрично-заводского населения – 107 682 (менее 5%), сельских жителей – 1 926 655 (более 85%). Для прокормления населения необходимо было 29 933 305 пудов зерна (из расчета 11 пуд. в год на человека). Ожидаемый сбор урожая на 1918 г. – 13 273 305 пуд. [9, с. 14–15]. Т.е. губерния своим хлебом могла себя обеспечить наполовину, она была потребляющей и зависела от ввоза хлеба из производящих губерний.

Старый губпродком раздавал направо и налево разрешения на закупку хлеба, оставил дефицит по выданным нарядам на 48 тысяч пуд. при полном отсутствии запасов хлеба как в городе, так и в деревне. В губернии развернулась спекуляция хлебом, из нее было вывезено до 1,5 млн пуд. хлебных продуктов. Из центральных фондов было получено в январе 22 вагона, в феврале 16. Цены на пшеницу и рожь с сентября 1917 г. выросли в 6–7 раз [9. V–VI].

Мешочничество ухудшило положение с продовольствием и в деревне. Д.А. Углев, сменивший Куликова на посту председателя губпродкома, вспоминал в апреле 1919 г., что с самого начала комитет осаждали крестьяне из потребляющих и производящих уездов. Свой хлеб они продали по спекулятивным ценам, а теперь требовали его от государства [10. Д. 241].

С. 8]. 7 августа 1918 г. в отдел управления исполкома Нижегородского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов поступила телеграмма от исполкома Лукояновского Совета: «Ввиду массового вывоза хлеба из Лукояновского района спекулянтами грозит полная голодовка ввиду невероятного поднятия цен. Просьба принять решительные срочные меры к борьбе со спекуляцией» [11. Д. 91. С. 7]. Особенно тяжелое положение было в лесном Семеновском уезде, в котором на едока выдавали по 1 фунту хлеба в месяц [11. Д. 91. С. 109].

Губернский продком создал в январе 1918 г. реквизиционную комиссию, которая нашла скрытые продукты и предметы потребления на сумму в 5 млн рублей. На средства от их реализации продком скупил на фабриках и заводах товары для обмена на хлеб. В районе Омска в результате обмена было заготовлено хлебных продуктов до 200 вагонов и полутора вагона семенного материала [9. VI] и масла 12 789 пуд. [9, с. 34]. Масла еще заготовили в своей губернии 363 пуд. и выдавали его по 1/2 фунта на едока на месяц [9, с. 34]. В мае губерния получила из других регионов 34 вагона хлеба, в июне – ничего и должна была рассчитывать на собственные ресурсы [10. Д. 241. С. 9]. Если в апреле выдавался паек на человека в Н. Новгороде 1/2 фунта, то в мае уже 1/4 фунта [12. 19 (6) мая]. Такая тяжелая ситуация с продовольствием сложилась в губернии к началу лета 1918 г., когда после мятежа чехословаков в полную силу разгорелась в России Гражданская война.

Ввиду тяжелой ситуации с продовольствием ВЦИК и СНК своими декретами от 9 и 27 мая 1918 г. ввели продовольственную диктатуру наркомата продовольствия. Крестьяне обязывались сдавать государству излишки хлеба сверх установленной нормы потребления (на душу – 12 пуд.) по твердым ценам. Поскольку крестьяне, имеющие хлеб, противились государственным заготовкам, большевики объявили «крестьянский поход» рабочих в деревню за хлебом. Для принудительного изъятия хлеба правительство пошло на создание продовольственных отрядов, формируемых из рабочих голодающих промышленных центров. 11 июня был издан декрет «Об организации и снабжении деревенской бедноты», по которому главной задачей комитетов бедноты была помощь органам наркомпрода в заготовке хлеба. Часть заготовленного хлеба оставалась бедноте. Н.Д. Кондратьев отмечал, что советское государство осуществляло те же меры, которые предполагало использовать Временное правительство последнего состава, но более жесткими методами [2, с. 222].

По вопросам продовольственной политики развернулась ожесточенная борьба. Все антисоветские силы выступили за свободу торговли – от правых эсеров и меньшевиков до монархистов. Правые эсеры, захватившие в Самаре с помощью чехословаков власть, создали в начале июня 1918 г. правительство – Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), который объявил свободу торговли. Но она ухудшила продовольственное положение на территории Комуча, т.к. крестьяне неохотно везли хлеб в город для продажи – на вырученные деньги нельзя было приобрести промтовары, их было слишком мало и цены на них были очень велики. А Комучу надо было кормить горожан, чехословаков и свою «народную армию». Поэтому Хлебный совет Комуча 12 сентября 1918 г. объявил о возврате к государственной хлебной монополии на основе закона Временного правительства от 25 марта 1917 г. [13. 27 сентября]. Но на территории советской России правые эсеры лицемерно отстаивали свободу торговли. Белогвардейские правительства Колчака, Деникина тоже провозглашали эту «свободу», но заготавливали продовольствие для своих армий с помощью военных отрядов. На городское население им было наплевать.

Левые эсеры, вторая советская партия, занимали противоречивую позицию. Они были за государственную хлебную монополию. Но считали, что в обмен на хлеб, взятый по твердым государственным ценам, надо крестьянам давать промтовары тоже по твердым ценам. Заготовку хлеба, по их мнению, должны были вести крестьянские Советы. Но в этих Советах чаще всего преобладали богатые и средние крестьяне, противящиеся государственной монополии. Однако левые эсеры это игнорировали.

Легкая же промышленность за годы мировой войны пришла в глубокий упадок, не могла обеспечить товарообмен с деревней. В Н. Новгороде губернский совет народного хозяйства создал мастерскую, в которой из рваной одежды из армейских складов вырезали куски и шили одежду [9, с. 2]. В сентябре 1918 г. в губпродкоме решали вопрос о распределении ниток по уездам. Решено было 258 850 катушек равномерно разделить по уездам с учетом численности их населения [10. Д. 34. С. 106]. Получалось по одной катушке на 10 человек. Разгоревшаяся далее Гражданская война расколола страну, порвала экономические связи. Доходило дело до того, что территория советской России составляла 1/4–1/5 часть всей России. На этой территории до революции добывалось от общего объема 2% угля и выплавлялось 4.5% чугуна. Ос-

новые производящие хлеб губернии находились на территориях, занятых белыми [14, с. 291].

Ни о каком нормальном товарообмене речи быть не могло. Товаров народного потребления был минимум, они использовались как премия за сданный государству хлеб. Рыночная экономика могла быть в таких условиях только спекулятивной. За первый год советской власти цены выросли в Нижегородской губернии на хлебопродукты в 7 раз, на сахар – в 11 раз, на яйца, мануфактуру, керосин – в 4 раза [9, с. 26]. Рабочие, бедные горожане несли в деревню личные вещи или полученные за работу натурой промтовары, чтобы спасти свои семьи от голодной смерти. Это было «потребительское мешочничество». Спекулянты-мешочники в рамках «предпринимательского мешочничества» кроме денег для обмена могли доставлять небольшое количество предметов потребления, сохранившихся у богатых прежде людей или уворованных с государственных складов. Поэтому большинство «рыночного» хлеба ввозили миллионы представителей потребительского мешочничества, а не предпринимательского.

Тяжелое положение с продовольствием вынуждало государство брать хлеб у крестьян и в потребляющих губерниях. Так, летом 1919 г. в Новгородскую и Череповецкую губернии отправилась экспедиция наркомпрода во главе с Н.И. Подвойским. Это потребляющие губернии, крестьяне в большинстве здесь голодали, в хлеб подмешивали кору, мох, лебеду, чтобы его растянуть на больший срок. А экспедиция Подвойского имела задачу – взять хлеб из нового урожая для Петрограда, чтобы позднее компенсировать крестьянам изъятое хлебом, подвезенным из южных губерний. Естественно, крестьяне сопротивлялись, вспыхнули их восстания, которые пришлось подавлять [15].

В Нижегородской нечерноземной губернии своего хлеба не хватало и до революции, т.к. урожайность зерновых была низкая – от 20–25 до 50 пуд. с десятины [10. Д. 359. С. 101; Д. 34а. С. 128]. Но уезды губернии отличались по урожайности. К числу более благополучных губпродком отнес уезды Макарьевский и Васильский (кроме их заволжских волостей), Княгининский (за исключением Ичалковской и Ревезенской волостей), Сергачский и Лукояновский (последний – за исключением части Шатковской и Ново-Слободской волостей). Наиболее нуждающимися были находящиеся в лесном Заволжье Семеновский уезд и заволжские волости Макарьевского и Васильского уездов, в Нижегородском уезде – Печерская, Симбилейская, Ельнинская, Арманихинская волости, в Горбатовском уезде – Богородская, Ворсменская,

Павловская, Сосновская волости [6, с. 76]. Вот почему хлеб из более благополучных уездов изымался не только для городского населения, но и для крестьян неблагополучных уездов и волостей. Мешочники такое перераспределение осуществить, конечно, не могли.

В июне 1918 г. Нижегородская губерния не получила ничего от центра, «осталась на своих собственных ресурсах, которых... абсолютно не было» [10. Д. 241. С. 9]. Заготовленные в порядке товарообмена в Сибири 40 вагонов хлеба были захвачены чехословаками [Там же]. Прекратилась выдача хлеба по карточкам в городах. К зданию губпродкома пришли голодные горожане, к ним вышел продовольственный комиссар (И.Г. Куликов?), которого толпа не желала слушать, его спас подоспевший отряд [Там же]. На почве голода произошли антисоветские восстания 25 мая в Богородске, где были убиты 5 членов Совета [16. Д. 386. С. 4], и в селе Безводном Семеновского уезда, где был убит член советской дружины Галанин [10. Д. 91. С. 501].

У нижегородских крестьян отношение к государственной хлебной монополии было неоднозначное. В голодающих местностях они выступали за сохранение монополии, но требовали разрешения представителям их волостей выехать для закупки хлеба в производящие губернии. Такие требования выдвигались в Лукояновском уезде съездом представителей волостных и сельских Советов 27 апреля, сельским сходом села Протасова 6 мая, общими собраниями Больше-Аратского Совета 26 мая и Больше-Болдинского Совета 10 июня, в Павловском уезде – собранием представителей селений Чмутовской волости, в Нижегородском уезде – общим собранием Семетского волостного Совета 8 апреля [11. Д. 73. С. 104; Д. 77. С. 53, 328; Д. 80. С. 139, 366; Д. 81. С. 1–2]. Это требование поддержали левые эсеры на IV губернском съезде Советов 26 июня 1918 г. [12. 30 (17) июня]. О.В. Ефимов выявил мнение 105 волостных Советов о государственной хлебной монополии, из них 45 поддерживали монополию, другие были против нее [6, с. 80]. Большевики выступили против децентрализации заготовок хлеба, ибо наплыв закупщиков в производящие губернии приводил к резкому росту цен на хлеб, мешал государственным заготовкам. Возникали трудности с его вывозом на полуразвалившемся транспорте.

Против государственной хлебной монополии крестьян настраивали кулаки и правые эсеры, сохранившие в деревне определенное влияние. Антисоветская деятельность нижегородских правых эсеров летом 1918 г. активизировалась в связи с тем, что в это время войско самарского

Комуча и чехословаки двигались вверх по Волге. Эсеры старались подорвать тыл Красной Армии. 8 июня правые эсеры провели собрание представителей различных волостей в селах Тепелево и Дальнее Константиново Нижегородского уезда, на которых провели резолюции о ликвидации Советов и замене их волостными земствами и о свободе торговли. При участии члена губернского комитета эсеров Н.Я. Соколова была проведена уездная эсеровская конференция, после которой в конце июля эсеры подняли на восстание крестьян 7 волостей – Вязовской, Ново-Ликеевской, Семетской, Чернухинской, Каменской, Арманихинской и Симбилейской. При этом разгонялись Советы, избивались советские работники и коммунисты, восстанавливались волостные земства. После прибытия красного карательного отряда из Н. Новгорода восстание прекратилось, сопротивление крестьяне не оказали [17, с. 122–123].

По подсчету О.В. Ефимова, всего в Нижегородской губернии в 1918–1920 гг. произошло 56 крестьянских восстаний, сопровождавшихся гибелью людей. Из них 18 на почве реквизиций и хлебной монополии, 17 организованы антисоветскими силами для свержения советской власти [6, с. 80]. Можно предположить, что остальные – на почве голода, мобилизаций в Красную Армию, злоупотреблений властью отдельных советских работников. Но все же в основе всех восстаний лежало, по нашему мнению, недовольство продовольственной политикой советского государства и «военным коммунизмом». А.М. Турова определила, что на 1918 г. пришлось большая часть восстаний – 43, не считая Уренского восстания в Варнавинском уезде, который тогда относился к Костромской губернии [18, с. 270]. Сопротивление крестьян принудило советские власти использовать жесткие меры для решения продовольственного вопроса.

Как и во всей советской России, в Нижегородской губернии создавались комитеты бедноты и параллельно им сельские организации РКП(б), в которые вступало большинство членов комбедов. Созданию комбедов препятствовали вначале левые эсеры. Левый эсер А.И. Ледянкин, председатель Лукояновского уездного Совета, на собрании Совета 21 июня 1918 г. провел резолюцию о запрещении создания в уезде комбедов, т.к. «они раскалывают трудовой народ на две части» [11. Д. 77. С. 295]. Но после мятежа левых эсеров 6 июля 1918 г. в Москве советы в губернии были очищены от левых эсеров. В июне 1918 г. в губернии появилось 30 комбедов, к началу осени – 1296, к концу года – около 3 ты-

сяч [19, с. 93]. Сама численность комбедов говорит о том, что для них в губернии была большая социальная база, т.к. 3/4 крестьян до революции составляла беднота (по России – 2/3).

По декрету от 11 июня комбедам часть заготовленного хлеба оставалась для распределения среди местной бедноты. Но норма отчисления была не определена. Оплачивала хлеб беднота от 1/5 до 1/2 его стоимости по твердым ценам [6, с. 93]. Вот почему комбеды старались больше хлеба оставить для себя (какую долю, мы данных не нашли). Неслучайно секретарь губкома РКП(б) М.С. Сергушев на 5-й губернской конференции партии в октябре 1918 г. упрекал комбеды в эгоизме: «В то время как заводское население пухнет от голода, комитеты бедноты... оставляют себе хлеба на целый год» [20, с. 140]. Сергушев, видимо, преувеличил все же объемы хлеба, оставляемого себе комитетами бедноты, т.к. практически из всех уездов в 1919 г. в Нижний поступали сообщения о голоде и нехватке продовольствия.

Комбеды способствовали расколу деревни, обострению классовой борьбы. Но в них проникали и враги, кулаки, да и беднота не была свободна от мелкобуржуазных настроений. Отдельные комбеды злоупотребляли своей властью, а их члены поступали порой несправедливо, сводили свои деревенские счета. Фактов для таких оценок много. Так, А. Агафонов, боец 1-го Нижегородского батальона войск ВЧК, общал в губком партии, что комбед села Лопатино Арзамасского уезда (в котором Агафонов побывал в отпуске) наложил контрибуцию на семью из 9 человек в 3000 руб., на вдову шестидесяти лет, у которой не было никакого хозяйства, – на 1000 руб., на 47-семилетнего крестьянина, тоже не имеющего хозяйства, – 100 руб.; всего контрибуции были наложены на 30 человек в размере 18 750 руб. [16, с. 135]. В первые месяцы советской власти контрибуции налагались на богатых людей, но эта практика изживалась, а комбеды не имели права взимать контрибуции. Поэтому М.С. Сергушев наложил на письмо Агафонова резолюцию с требованием сообщить о злоупотреблениях комбеда в Арзамасский уком РКП(б) и в случае подтверждения фактов арестовать членов комбеда [Там же].

Комитеты бедноты стали претендовать на власть, на подмену Советов, в деревне сложилось двоевластие. Это было недопустимо, поэтому VI Чрезвычайный съезд Советов РСФСР в ноябре 1918 г. принял решение о ликвидации комбедов и о пере выборах Советов. Пере выборы состоялись в конце 1918 г. В их состав теперь прошло больше бедных крестьян и коммунистов. В Арзамасском уезде, например, в сель-

ских и волостных Советах соотношение представителей бедноты, средних крестьян и рабочих стало соответственно 47.6% – 47.5% – 3.6%, а в Балахнинском уезде – 38% – 36.7% – 19.5% [6, с. 45]. Такие Советы действительно стали опорой советского правительства и более последовательно выполняли его установки, в том числе и в продовольственной политике.

Вторым силовым элементом в решении продовольственного вопроса стали продотряды. В Нижегородской губернии в 1918 г. было создано 10 продотрядов, один отряд численностью в 100 человек был отправлен в Саратовскую губернию. В 1919 г. было сформировано еще 10 отрядов для работы в Нижегородской губернии. В 1920 г. 24 отряда были направлены в Сибирь и на Кавказ [19, с. 34].

Численность нижегородских продотрядов была невелика. 2 августа 1918 г. губпродком ставил задачу направить в продотряды 300 человек [10. Д. 34. С. 190], 4 сентября того же года решил довести их численность до 367 человек, направлять в отряды преимущественно коммунистов, создать штаб для руководства продотрядами [10. Д. 34а. С. 6–6 об.], 29 сентября 1918 г. – объединить отряды в продовольственный полк [Там же. С. 100]. К 1 января 1920 г. в Нижегородской губернии было направлено в продотряды 824 человека [21, с. 114]. За рабочими, направленными в продотряды, на предприятиях сохранялось их жалование. Кроме заготовки хлеба Нижегородский губпродком возложил на продотряды в конце октября 1918 г. и изъятие у крестьян излишков картофеля [10. Д. 34б. С. 60 об.].

Мы не нашли в источниках конкретной картины деятельности нижегородских продотрядов по изъятию хлеба у крестьян, которая была, конечно, весьма драматичной. Крестьяне, имевшие хлеб, старались его припрятать. А продотрядовцы с помощью членов сельских Советов и комбедов отыскивали его и забирали «излишки». Эта работа была не для слабонервных. Были случаи, когда голодные члены продотрядов, упоенные властью, изымали для себя различные продукты и заставляли крестьянок готовить для себя еду. Так, Ардатовская организация РКП(б) на своем собрании 21 августа 1918 г. подняла вопрос об отозвании продотряда, сформированного в Выксе и Кулебаках, за злоупотребление властью и пьянство [22. Д. 6. С. 13 об.].

Нижегородский губпродком пытался и вне государственной монополии организовать обмен промтоваров на продовольствие. Но надо было иметь потребительские товары для обмена. 6 августа 1918 г. он постановил выдать Арзамасскому отделению работников кожевенной промышленности производственные материалы

для изготовления 200 пар сапог и 50 штиблет, Богородскому отделению профсоюза – 150 пуд. подошвенной кожи и 57 пуд. стелечного материала [10. Д. 34. С. 97 об.]. Это, конечно, мизер для губернии... 4 сентября комитет решил организовать товарообмен на ряде речных пристаней и железнодорожных станциях [10. Д. 34а. С. 3 об.]. 12 сентября было решено привлечь к этому делу потребительскую кооперацию, позволив ей через денежные операции за каждый заготовленный пуд хлеба зарабатывать 15% [10. Д. 34. С. 47–48]. Сведений об итогах этой товарообменной операции нами не обнаружено, но вряд ли они были значительны ввиду малых запасов потребительских товаров.

Наконец, голодные рабочие начинали решать продовольственную проблему и самостоятельно. Например, отдел управления Ардатовского Совета докладывал в губпродком, что 30 мая 1918 г. около 30 рабочих Ташинского завода побывали на трех хуторах (очевидно, созданных по столыпинской аграрной реформе), потом к ним присоединились еще 30 человек во главе с председателем Ташинского Совета Трегубовым. Они конфисковали у хуторян хлеб, мясо, масло, одежду и деньги. У Т. Глухова – на сумму 15 тысяч руб., у М. Глухова – деньги 3500 руб. и муки, масла, одежды на 8.5 тысячи руб., у А. Глухова – деньги 6 тысяч руб. и все остальное на сумму 13 тысяч руб. Хлеб – 44 пуд. 28 фунтов и масло – 38 пуд. были розданы нуждающимся гражданам Ташина. Действовали они незаконно, но в общем русле реквизиционной практики первой половины 1918 г., когда на местах использовались реквизиции имущества и денежных сумм у богатеев. При этом окружной суд Ардатова наложил на братьев Глуховых штраф в 2 тысячи руб. за сокрытие хлеба от учета [10. Д. 91. С. 325–326].

Уже весной 1918 г. началось движение по развитию горожанами огородничества. «Рабочекрестьянский Нижегородский листок» сообщал 31 (18) мая 1918 г., что в Н. Новгороде создано 20 огородных коммун, в одной из них состоит 400 человек (видимо, на Сормовском заводе). Это движение развивали профсоюзы, добиваясь от Советов выделения земель под огороды в пригородной зоне, что порой приводило к конфликтам с местными крестьянами.

Летом 1918 г. на заводах и фабриках возник дефицит рабочей силы. У большинства рабочих того времени были родственники в деревне. Рабочие приезжали в деревню помочь убрать урожай, получить от родственников или купить у других крестьян хлеба. Массовый уход рабочих проявился, например, на заводах Выксунского горного округа. Общеокружное делегат-

ское собрание рабочего контроля округа 5 августа приняло решение об увольнении самовольно бросивших работу. «При уходе с работы допускается заявление о согласии своего товарища-сменщика о замене одного рабочего другим, при условии оплаты труда за труд в одинарном размере» [23. Д. 88. С. 38].

Советское правительство, учтя тягу рабочих к самоснабжению, разрешило им в сентябре 1918 г. привозить самостоятельно в город продукты питания до полутора пудов. Это «полуторапудничество» продлевалось, негласно было узаконено, действовало до конца Гражданской войны [24, с. 251–252]. Правительство в то же время стремилось сократить спекулятивное мешочничество, вводя заградительные отряды на железнодорожных станциях и пристанях. Эта установка дублировалась и Нижегородским губпродкомом [10. Д. 34а. С. 72]. Заградотряды, похоже, проявляли снисходительность. По регулярным отчетам конца 1918 – первой половины 1919 г., конфискация отрядами составляла за декады месяцев от нескольких пудов до двух десятков пудов хлеба [10. Д. 56].

По докладу губпродкома от 17 июля 1919 г. об итогах заготовки продовольствия в 1918 г. планировалось заготовить 1 672 622 пуд. ржи и пшеницы, недобрано 1 283 675 пуд. (66% плана). Планировалось заготовить 76 777 пуд. крупы, а недобор составил 71 679 пуд. (93%) [10. Д. 218. С. 110–111]. Да и по РСФСР хлеба было заготовлено государством меньше, чем в 1917 г., – 68.5 млн пуд. против 106.3 млн пуд. [2, с. 228]. Поэтому наркомпрод оказывал минимальную помощь Нижегородской губернии. Мешочники тоже не могли существенно дополнить снабжение продовольствием. В результате продовольственный кризис и голод сохранились с конца 1918 г. и в 1919 году.

11 января 1919 г. был принят декрет о разверстке, введивший новый метод изъятия хлеба в деревне, который основывался на опыте 1918 г. Тогда экспедиция наркомата продовольствия во главе с заместителем наркома А.Г. Шлихтером прибыла в Вятскую губернию и столкнулась с проблемой заготовки хлеба с учетом излишков у каждого крестьянина сверх установленной нормы потребления. Естественно, крестьяне занижали количество имеющегося у них хлеба. Получалось, что у них нет излишков. Тогда по совету одного местного советского работника экспедиция перешла к разверстке заданий по волостям, угрожая арестом всех, кто противодействует хлебозаготовкам. Итоги оказались положительными, метод разверстки был повторен в Ефремовском уезде Тульской губернии [25, с. 18–20].

По декрету от 11 января наркомпрод определял количество хлеба, необходимого для снабжения населения и Красной Армии и разверстывал задания по губерниям, а губернские продовольственные комитеты разверстывали задания по уездам, уездные органы – по волостям. На самом низу задания спускались сельским обществам (общинам), как это было до революции, когда общины несли коллективную ответственность за выплату выкупных платежей и налогов. Декрет от 11 января указывал, что вся тяжесть продразверстки должна возлагаться на кулаков и зажиточных крестьян. На деле все зависело от того, кто брал верх в общинах. Если кулаки, то задание распределялось на всех крестьян уравнительно, если беднота, то декрет выполнялся по определяемому им классовому принципу.

Надо учитывать, что в 1919 г. продразверстка осуществлялась в труднейших условиях. Весной – летом шла тяжелая борьба с армией Колчака в Поволжье и на Урале, в конце лета – осенью с войсками Деникина, рвавшимися к Москве. Вся тяжесть продразверстки легла на четыре губернии Центрально-Черноземной области и на Среднее Поволжье. Хлеб изымался жесткими, порой жестокими способами. В.И. Ленин отмечал, что у крестьян изымались не только излишки, но и часть необходимого продовольствия для покрытия расходов на содержание армии и рабочих. Брели в долг, за бумажные деньги [26. Т. 43. С. 219]. В результате советское государство заготовило в 1918–1919 гг. 109 922 507 пуд. хлеба, а в 1919–1920 гг. – 283 875 145 пуд. [27, с. 69].

В 1919 г. начался новый этап «военного коммунизма». Разверстка распространилась на мясо и картофель. В январе 1919 г. инструкция Нижегородского губпродкома установила нормы сдачи скота: 1 корову из 10 и 4 овцы из 20, а для более зажиточных крестьян более высокий процент [10. Д. 368. С. 61 об.]. В конце сентября 1919 г. губпродком определил задание по разверстке картофеля в 3 188 000 пуд. по 5 уездам – Арзамасскому, Ардатовскому, Лукояновскому, Павловскому и Нижегородскому [10. Д. 217. С. 131 об.]. Арзамасский упродком постановил: изымать картофель, оставляя 100 пуд. на десятину для посева и по 9 пуд. на едока [Там же. С. 31]. В апреле 1920 г. губпродком определил разверстку на яйца и коровье масло, спустив задания в уезды [10. Д. 363а. С. 511]. Нормы сдачи были установлены следующие: с каждой десятины посева 7 штук яиц и с каждой коровы – 6 фунтов топленого масла или 6 ведер молока [28. 24 июля].

Сохранялось право самостоятельной индивидуальной закупки продовольствия и вывоза его в город. Нижегородский губпродком пытался его регламентировать, пресекая спекулятивное мешочничество. В октябре 1919 г. он установил нормы вывоза на транспорте: на одного пассажира до 10 фунтов хлебопродуктов, 6 фунтов мяса, 10 яиц, 2 пуда картофеля [10. Д. 216. С. 93–93 об.].

Итоги осуществления продразверстки за 1919 г. и за первую половину 1920 г. были следующие. В 1919 г. (на февраль 1920 г.) было заготовлено 1 127 190 пуд. хлеба, еще 443 427 пуд. было реквизировано. Других продуктов – 777 голов крупного рогатого скота и 10 387 голов мелкого, 700 тысяч пуд. картофеля (последнего – 1/3 запланированного) [29. 1 июля]. Наркомпрод мог оказать губернии минимальную помощь. Только в июне – августе 1919 г. он выделил для нижегородцев 257 801 пуд. хлеба [29. 1 июля]. На VI губернском съезде Советов в докладе губпродкома говорилось, что с 1 февраля по июль 1920 г. в губернии было заготовлено 1 660 057 пуд. хлеба, крупного рогатого скота – 26 263 голов (47% плана), мелкого – 24 100 (35%). Из централизованного фонда было получено 2 802 372 пуд. хлеба [10. Д. 178а. С. 106]. Сколько везли мешочники продовольствия в Н. Новгород, в другие города, губерниям и в голодающие уезды, данных мы не обнаружили. По различным губерниям население получало от государства от 20 до 50% потребляемого продовольствия, остальное поставлялось мешочниками [24, с. 251].

В первой половине 1920 г. был достигнут лучший результат государственных заготовок хлеба за всю Гражданскую войну. Начал поступать хлеб из освобожденных районов Сибири, Дона, Северного Кавказа. Но далее положение ухудшилось. Южные районы охватила частичная засуха. Вспыхнули крупные восстания крестьян, недовольных «военным коммунизмом». В Тамбовской губернии – «антоновщина», в Сибири – западно-сибирский мятеж, произошли восстания в Среднем и Нижнем Поволжье, на Дону и в других местах. В 1921 г. сильная засуха вызвала голод в Поволжье. В Нижегородской губернии продналог взимался больше, чем продразверстка, хотя установка была при введении продналога, что он должен быть меньше продразверстки в два раза (изымалось государством в губернии 12% валового сбора зерна – см. [6, с. 223]). И лишь после сбора урожая 1922 г. продовольственное положение стало улучшаться в стране и в Нижегородской губернии.

Какая доля урожая взималась по продразверстке? В производящих губерниях она составляла в 1919 г. 20%, в 1920 г. – 30% [27, с.

88], в потребляющих – 8.4% [30, с. 187]. Это не смертельное изъятие. По социологическим подсчетам, в Вятской, Вологодской, Костромской, Московской, Пензенской губерниях питание взрослого едока в деревне составляло в 1913 г. 3760 калорий в день, а в январе 1920 г. – 3387 калорий (90.1% от уровня 1913 г.). А рацион рабочего был в декабре 1919 г. 2840 калорий, в мае 1920 г. – 2786 калорий, ниже чем у крестьян, при снижении качества питания (уменьшение доли мясной пищи, масла, яиц и увеличение доли растительной пищи). От голода страдали прежде всего рабочие, рацион которых во всех губерниях не поднимался выше 3000 калорий [30, с. 213]. (По Нижегородской губернии данных не имеем, но в ней, как потребляющей губернии, положение было, конечно, хуже). Все дело в том, что на разные губернии продразверстка ложилась неравномерно, а среди крестьян она возлагалась прежде всего на средних и зажиточных крестьян, подрывая их хозяйство.

Почему крестьяне в массе своей все же потерпели такую чрезвычайную нагрузку? Они помнили, что именно советская власть дала им помещичью землю. В Нижегородской губернии, где до революции было много помещиков, после аграрной реформы 1918 г. земельные угодья крестьян увеличились в два раза [31, с. 228]. Победа белых несла для крестьян угрозу потери этих земельных приобретений. Вот почему крестьяне давали хлеб советскому государству, но после разгрома войск Колчака и Деникина, когда исчезла угроза победы белогвардейцев, вспыхнули крупные крестьянские восстания, вынудившие большевиков ввести нэп.

Имеющиеся запасы хлеба обеспечивали нижегородцам полуголодное существование. Губпродком на заседании 31 октября 1918 г. установил нормы выдачи хлеба: для 1-й категории – 3/4 фунта (для лиц тяжелого физического труда), для 2-й категории – 1/2 фунта (для остальных рабочих), для 3-й категории – 1/4 фунта (для служащих), для 4-й категории – 1/8 фунта (для иждивенцев) [10. Д. 346. С. 49]. Но ресурсов было так мало, что 14 января 1919 г. губпродком принял постановление исключить сельское население (бедноту) Арзамасского, Васильского, Княгининского, Лукояновского и Сергачского уездов из плана снабжения, в Павловском и Ардатовском уезде снабжать только граждан, не имеющих своих запасов. Нормы снабжения населения губпродком установил на месяц для 1-й категории 12 фунтов, для 2-й – до 10, для 3-й – 4. Для промышленного населения на месяц для 1-й категории – 18 фунтов, для 2-й

– 12 фунтов, для 3-й – 4 фунта [10. Д. 363. С. 20 об.].

Пайки часто не выдавались вовремя. И у «привилегированных» рабочих ситуация была тяжелая. Сормовский завод работал на Красную Армию, производя пушки и снаряды, ремонтировал суда Волжской военной флотилии. Для рабочих был установлен красноармейский паек. За сверхурочные работы в июне 1919 г. на заводе было решено давать рабочим за каждые два часа сверхурочных 1/4 фунта хлеба, а служащим – 1/8 фунта [32. Д. 496. 51]. На заводе падала производительность труда, участились прогулы. Одной из причин этого, по признанию коллегии заводоуправления Сормова, было «отсутствие продовольствия» [33. Д. 236. С. 450 об.].

Еще более тяжелая ситуация была с продовольствием на предприятиях в губернии. Совет рабочих и крестьянских депутатов Выксунского горного округа (ВГО) еще в августе 1918 г. принял решение отменить выдачу хлебных пайков рабочим и крестьянам, имеющим посевы хлеба [23. Д. 205. С. 51]. На заводах ВГО поставки продовольствия осуществлялись во вторую очередь после Н. Новгорода и его пригородов, пайки нередко были ниже. В 1919–1920 гг. население советской России мучила нехватка соли, т.к. районы соледобычи были захвачены или разрушены белыми (озеро Баскунчак, соляные рудники Западного Урала), а то, что было добыто, не перевозилось из-за разрухи на транспорте. На заседании коллегии управления ВГО 13 мая 1920 г. управляющий одного из заводов (какого – в источнике не указано) сообщил о частых невыходах рабочих сталелитейного цеха на работу ввиду того, что у них появлялась куриная слепота из-за плохого питания и отсутствия соли [32. Д. 2. С. 11].

Трудовым коллективам крупных предприятий было легче выкручиваться из трудного положения, они требовали снабжения от Советов, продовольственных комитетов, что-то производили для обмена на хлеб, развивали огородничество. Труднее было остальным жителям городов и поселков, когда, например, прекращалась выдача пайков из-за отсутствия продовольствия у продовольственных органов, как это было, например, в июне 1919 г. [10. Д. 178. С. 39 об.]. Нижегородский губернский комитет обращался в наркомпрод, в СНК, но и они мало чем могли помочь.

И в деревне с продовольствием для большинства крестьян ситуация была сложная. Жесткая выкачка хлеба ударяла и по средним крестьянам, не говоря о бедноте. В Нижегородский губернский продкомитет без конца поступали жалобы и из производящих и из потреб-

ляющих уездов на нехватку хлеба для местного населения и на голод. Губпродком констатировал, например, в мае 1920 г.: «В уездах хлеба нет. Все, что можно было выкачать из них для прокормления промышленного и городского населения, уже изъято. В ряде уездов население истощено до последней степени, как, например, в Воскресенском...» [10. Д. 363б. С. 550]. Но помочь уездам, особенно потребляющим, губернский комитет часто не имел возможности.

Ввиду нехватки продовольствия, потребительских товаров и огромной инфляции на предприятиях с осени 1918 г. начали ставить вопрос о натурализации зарплаты, которая окончательно утвердилась в 1919 г. Хотя сохранялась дифференциация в денежной оплате труда (в 1919 – 1:4), натуральная оплата труда составляла в 1919 г. 79.3%, в 1920 г. – 96.2% [3, с. 168, 170]. Была ограничена свобода торговли, и не потому, что большевики хотели ликвидировать рыночные отношения, как утверждает А.Ю. Давыдов, а ввиду острой нехватки потребительских товаров. Вот почему по декрету СНК с конца 1918 г. снабжение населения должно было идти через Советы и кооперативы, а с марта 1919 г. – только через потребительские кооперативы, которые охватывали все население советской России [Там же]. Поскольку деньги сохранились и играли определенную роль в товарообмене города и деревни, имевшем спекулятивный характер, то сохранялись и рыночные отношения в урезанном виде. Такие экономические отношения не раз появлялись в разных странах в условиях разрушенного народного хозяйства.

Государство обеспечивало питанием ряд социальных учреждений, до которых мешочникам не было дела, – больницы, карантинные бараки, в которых помещались заболевшие холерой и тифом. В Н. Новгороде эпидемии начались с лета 1919 г. За год было вылечено от таких заболеваний 2132 чел., умерло 2419 чел. [10. Д. 232. С. 370]. В 1918 г. в школах Н. Новгорода и его округа стали выдавать детям завтраки, а в конце 1919 г. дополнительное общественное питание получали 35 тысяч детей [10. Д. 54. Л. 33–34].

Таким образом, чрезвычайная продовольственная политика и «военный коммунизм» были вызваны Гражданской войной, разрухой народного хозяйства. Были левацкие настроения у части коммунистов, у эсеров-максималистов, у левых эсеров, у анархистов, которые предлагали ликвидировать деньги и рыночные отношения. Это неизбежное явление революционной эпохи, когда проявляется стремление ультрареволюционеров ликвидиро-

вать все старые отношения. Неизбежны были и мелкобуржуазные анархические настроения крестьян, препятствующих реализации государственной хлебной монополии, а также и у городских маргинальных мелкобуржуазных элементов. Поэтому на первых порах создания народно-хозяйственного механизма проявляло себя и потребительское и предпринимательское мешочничество, препятствующее равномерному распределению недостаточных продовольственных ресурсов среди населения. Выгоду от этого получали кулаки, зажиточные крестьяне и городские мелкие спекулянты.

«Военный коммунизм» был неизбежен в обстановке «осажденной крепости», в какой оказалась Советская Россия. В.М. Чернов, лидер правых эсеров, враг большевиков, уже в эмиграции признал, что в осажденной крепости или на плоту среди потерпевших кораблекрушение нельзя обойтись «без изъятия и самого строгого рационарования имеющихся запасов» [34, с. 388]. В.И. Ленин отмечал, что идейные противники, эсеры, меньшевики, Каутский ставили большевикам в вину «военный коммунизм». Но «его надо поставить нам в заслугу» [26. Т. 34. С. 220]. Эта чрезвычайная экономическая политика помогла народу выжить в условиях разрухи народного хозяйства и победить в Гражданской войне внутреннюю и внешнюю контрреволюцию. Народ и до революции не был избалован жизнью. Историки насчитали, что за тысячу с лишним лет Русь и Россия пережили 433 голодных года [35, с. 490], раз в 10–15 лет особенно сильный голод, когда крестьяне вымирали сотнями тысяч и миллионами. Вытерпели русский и другие народы России лишения, полуголодное существование во время Гражданской войны и поддержали советскую власть, т.к. в большинстве своем категорически не хотели победы белых и возврата власти помещиков и буржуазии.

Список литературы

1. Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. 479 с.
2. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов во время войны и революции. М., 1991. 487 с.
3. Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973. 296 с.

4. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. 270 с.

5. Давыдов А.Ю. Проигранная война «красных»: нелегальная экономика 1917–1920 гг. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 15–37.

6. Грехова Н.Н., Ефимов О.В. Советы и крестьян-

ство в 1917–1928 гг. (по материалам Нижегородской губернии). Арзамас, 2011. 241 с.

7. Седов А.В. В годы Первой мировой войны // Нижегородский край: люди, события, факты. Н. Новгород, 1996. С. 341–344.

8. Медведев А.В., Слепченкова А.А. Партия социалистов-революционеров в Нижегородском крае (1895–1923). Н. Новгород, 2012. 255 с.

9. Куликов И. Обзор Нижегородского комитета по продовольствию о деятельности за 1-й революционный год (с января месяца по 1 октября 1918 г.). Н. Новгород, 1919. 173 с.

10. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-56. Оп. 1.

11. ЦАНО. Ф. Р-55. Оп. 1.

12. Рабоче-крестьянский Нижегородский листок. 1918.

13. Земля и воля (Самара). 1918.

14. Галин В. Политэкономика войны. Тупик либерализма. М., 2007. 606 с.

15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7740. Оп. 1.

16. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 1866. Оп. 1.

17. Медведев А.В., Слепченкова А.А. Социалисты-революционеры нижегородского Березополя в 1903–1919 гг. // Без прошлого нет настоящего. Памяти А.А. Бондаря. Богородск, 2005. С. 110–125.

18. Турова А.М. Нижегородская губернская большевистская партийная организация в борьбе за крестьянство в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции: Дис. ... к.и.н. Горький, 1962. 296 с.

19. Очерки истории Горьковской областной организации КПСС. Ч. вторая. Горький, 1966. 446 с.

20. Стенографический отчет 5-й губернской конференции РКП(б). Н. Новгород, б.г. 140 с.

21. Из отчета Центрального военно-продовольственного бюро при ВЦИК за 1918–1919 гг. // Красный архив. 1938. № 4–5. С. 112–116.

22. ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1.

23. ЦАНО. Ф. 1250. Оп. 1.

24. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга первая. М., 2001. 528 с.

25. Орлов Н. Система продовольственных заготовок. Тамбов, 1920. 80 с.
26. Ленин В.И. Полн. собрание сочинений.
27. Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы Гражданской войны. М., 1981. 236 с.
28. Нижегородская коммуна. 1920.
29. Вестник Нижегородского исполнительного комитета. 1920.
30. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.
8. Medvedev A.V., Slepchenkova A.A. Partiya socialistov-revolucionerov v Nizhegorodskom krae (1895–1923). N. Novgorod, 2012. 255 s.
9. Kulikov I. Obzor Nizhegorodskogo komiteta po prodovol'stviyu o deyatelnosti za 1-j revolyucionnyj god (s yanvarya mesyaca po 1 oktyabrya 1918 g.). N. Novgorod, 1919. 173 s.
10. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F. R-56. Op. 1.
11. CANO. F. R-55. Op. 1.

The
1918–

food supplies. The government did not prevent population from finding additional food supplies, but it suppressed attempts of food speculation.

Keywords: state grain monopoly, food-supply dictatorship, food surplus appropriation system, private food speculation.

. 304 с.

31. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. 400 с.
32. ЦАНО. Ф. Р-1250. Оп. 3.
33. ЦАНО. Ф. Р-15. Оп. 1.
34. Чернов В. Конструктивный социализм. Прага, 2005. 403 с.
35. Курс отечественной истории IX–XX веков. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе / Под ред. Л.И. Ольштынского. М., 2002. 544 с.
- References*
1. Bogdanov A.A. Voprosy socializma. M., 1990. 479 s.
2. Kondrat'ev N.D. Rynok hlebov vo vremya vojny i revolyucii. M., 1991. 487 s.
3. Gimpel'son E.G. «Voennyj kommunizm»: politiki, praktika, ideologiya. M., 1973. 296 s.
4. Pavluchenkov S.A. Voennyj kommunizm v Rossii: vlast' i massy. M., 1997. 270 s.
5. Davydov A.Yu. Proigrannaya vojna «krasnyh»: nelegal'naya ehkonomika 1917–1920 gg. // Voprosy istorii. 2013. № 11. S. 15–37.
6. Grekhova N.N., Efimov O.V. Sovety i krest'yanstvo v 1917–1928 gg. (po materialam Nizhegorodskoj gubernii). Arzamas, 2011. 241 s.
7. Sedov A.V. V gody Pervoj mirovoj vojny // Nizhegorodskij kraj: lyudi, sobytiya, fakty. N. Novgorod, 1996. S. 341–344.
12. Raboche-krest'yanskij Nizhegorodskij listok. 1918.
13. Zemlya i volya (Samara). 1918.
14. Galin V. Politekonomiya vojny. Tupik liberalizma. M., 2007. 606 s.
15. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. 7740. Op. 1.
16. Gosudarstvennyj obshchestvenno-politicheskij arhiv Nizhegorodskoj oblasti (GOPANO). F. 1866. Op. 1.
17. Medvedev A.V., Slepchenkova A.A. Socialisty-revolucionery nizhegorodskogo Berezopol'ya v 1903–1919 gg. // Bez proshlogo net nastoyashchego. Pamyati A.A. Bondarya. Bogorodsk, 2005. S. 110–125.
18. Turova A.M. Nizhegorodskaya gubernskaya bol'shevistskaya partijnaya organizaciya v bor'be za krest'yanstvo v period podgotovki i provedeniya Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii: Dis. ... k.i.n. Gor'kij, 1962. 296 s.
19. Ocherki istorii Gor'kovskoj oblastnoj organizacii KPSS. Ch. vtoraya. Gor'kij, 1966. 446 s.
20. Stenograficheskij otchet 5-j gubernskoj konferencii RKP(b). N. Novgorod, b.g. 140 s.
21. Iz otcheta Central'nogo voenno-prodovol'stvennogo byuro pri VCIK za 1918–1919 gg. // Krasnyj arhiv. 1938. № 4–5. S. 112–116.
22. GOPANO. F. 25. Op. 1.
23. CANO. F. 1250. Op. 1.
24. Kara-Murza S. Sovetskaya civilizaciya. Kniga pervaya. M., 2001. 528 s.

25. Orlov N. Sistema prodovol'stvennyh zagotovok. Tambov, 1920. 80 s.
26. Lenin V.I. Poln. sobranie sochinenij.
27. Andreev V.M. Pod znamenem proletariata. Trudovoe krest'yanstvo v gody Grazhdanskoj vojny. M., 1981. 236 s.
28. Nizhegorodskaya kommuna. 1920.
29. Vestnik Nizhegorodskogo ispolnitel'nogo komiteta. 1920.
30. Kabanov V.V. Krest'yanskoe hozyajstvo v usloviyah «voennogo kommunizma». M., 1988. 304 s.
31. Osipova T.V. Rossijskoe krest'yanstvo v revolyucii i Grazhdanskoj vojne. M., 2001. 400 s.
32. CANO. F. R-1250. Op. 3.
33. CANO. F. R-15. Op. 1.
34. Chernov V. Konstruktivnyj socializm. Praga, 2005. 403 s.
35. Kurs otechestvennoj istorii IX–XX vekov. Osnovnye ehtapy i osobennosti razvitiya rossijskogo obshchestva v mirovom istoricheskom processe / Pod red. L.I. Ol'shtynskogo. M., 2002. 544 s.